

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

С. Никитин

Революция 1848 г. — выдающаяся веха в историческом развитии Европы. Она расчищала путь новым социально-экономическим отношениям, отношениям капиталистическим. И не случайно Ленин, говоря о её характере, сравнивал её с Великой французской буржуазной революцией в том смысле, что «в 1793 и 1848 гг. и во Франции и в Германии и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция»¹.

Но при наличии между ними общности в этом отношении были и существенные различия. В 1848 г. на арену революционной борьбы в передовых странах Европы выступил пролетариат. Революционная борьба захватила и такие страны, которые в 1793 г. являлись странами отсталыми и представляли собой оплот реакции.

Революция 1848 г. носила буржуазно-демократический характер не только во Франции или Германии, но и во всей Европе, в том числе и в славянских землях. События 1848 г. в славянских странах были частью общеевропейской истории 1848—1849 годов. В этих странах совершалась та же ломка феодальных общественных отношений. Но различие социально-экономического положения и национально-политических условий развития отдельных стран Европы обуславливало и особенности движения и расстановки классовых сил в каждой стране. В силу этих особенностей местного развития борьба славянских народов приобрела особые черты, различные для разных славянских стран, поэтому изучение роли славян в революции 1848 г. возможно лишь с учётом всех этих особенностей и своеобразия в расстановке классовых сил.

Делалось ли это раньше и в какой мере? Революции 1848 г. посвящена большая историческая литература. Существует ряд общих работ, можно указать большое количество монографий и статей, касающихся частных вопросов. Обойти в них славянство было невозможно, однако роль его и характер участия в событиях до сих пор удовлетворительно не разъяснены. Этого нельзя не поставить в связь с особенностями самой литературы.

О славянах говорили авторы общих работ, посвящённых германской или австрийской революции. Это были немецкие буржуазные или социал-демократические историки. Для них участие славян в революции 1848 г. представлялось явлением периферийным, второстепенным. Всё их внимание было направлено на немецко-австрийские события. Они лишь попутно упоминали о том, что происходило в землях славян, не посвящая этому вопросу сколько-нибудь глубоких исследований. Такой подход отражал общее невнимание немецкой историографии к славянам и оценку ею характера участия славян в движении 1848 года. Последнее рассматривалось прежде всего как отклик на венские события. Правда, Максимилиан Бах² вынужден был упомянуть, что Прага опередила Вену в провозглашении своих требований, однако и этот факт не заставил автора сделать соответствующие выводы. Немецкие авторы не признают, что славянское движение было самостоятельным движением, что события в Париже, Вене или Будапеште явились

¹ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 187.

² Бах М. «Австрийская революция 1848 г.». М. 1923.

для него лишь последним толчком. В той или иной мере это касается любого из авторов этой категории.

Эта концепция немецких авторов стоит в теснейшей связи с общей оценкой славянского движения как целиком реакционного. Явно преувеличивая славянскую отсталость, немецкие авторы, по традиции, идущей от немецкой публицистики 1848 г., продолжали повторять, что славяне в силу своей крайней отсталости представляют опасность для революции. Исключение делалось только для чехов, стоявших якобы ближе к немцам и усвоивших идеи Запада (М. Бах).

Эти же мысли в той или иной степени отражены и в новых немецких работах, таких, как «Революция 1848—1849 гг. в Германии» Ф. Валентина³. Известным исключением среди немецких авторов является Вендель⁴. Его нельзя упрекнуть в отсутствии внимания и интереса к славянам. Однако, если вникнуть в существо его концепции и в изображение им событий 1848 г. у южных славян, станет ясной его близость к традициям немецкой буржуазной и социал-демократической литературы.

Не решила задачи изучения революции 1848 г. и старая славянская литература. Это была буржуазно-националистическая историография со всеми свойственными ей пороками. Она питала отвращение к классовой борьбе, к революционным методам. Создаваясь в условиях национального гнёта, она выдвигала на первое место национальную борьбу и в событиях 1848 г. интересовалась лишь ею. Отказавшись от анализа классовых сил, действовавших в движении, славянская историография подчёркивала единство славянских народов в их национально-политической борьбе. Отзвуки этих традиций сохранялись до последнего времени. Одна из новых работ, касающихся политической борьбы южных славян, книга Богданова⁵, впервые в сербо-хорватской литературе вопроса пытается дать социальный анализ действовавших в движении сил, но всё же сбивается с этого правильного пути и становится на путь защиты и апологетики национальной борьбы сербов Воеводины как целиком прогрессивной.

Некоторые «социалистические» авторы преувеличивают демократизм движения и приписывают демократический характер деятельности национально-либеральных дворянско-буржуазных групп (Лимановский)⁶. Такое изображение приводит к искажению действительной картины.

Лишь в современной литературе начинают появляться работы,рывающие со старыми традициями буржуазно-националистической историографии, примером чего является книга А. Климмы «1848 год в Чехии»⁷.

Сказанное выясняет сложность вопроса, недостаточную его разработанность и негодность многого из того, что было сделано. Изучение участия славян в революции 1848 г. потребует ещё ряд усилий. Исходным положением при этом может служить только анализ социально-экономического развития Германии, Австрии, причём их славянские области должны рассматриваться отдельно, так как славянские земли Австрии существенно разнятся одна от другой по характеру и уровню своего развития. Так, во всех славянских землях значительную роль играли крепостнические отношения, которые здесь (за исключением Чехии) были более устойчивыми, чем в неславянских областях. Между

³ Valentin F. «Geschichte der deutschen Revolution 1848». Bd. I—II. Berlin. 1930—1931.

⁴ Wendel G. «Der Kampf der Südslaven um Freiheit und Einheit». Frankfurt. 1925.

⁵ Bogdanov V. «Nacionalni i socialni sukobi Vojvodana i madara, 1848—1849». Zagreb.

⁶ Limanowski B. «Historja demokracji polskiej», cz. 2. Kraków. 1921.

⁷ Klima A. «Rok 1848 v Cechách». Praha. 1948.

отдельными славянскими областями также имелись различия, что не могло не отразиться на расстановке классовых сил и на развитии событий. Более того, не все славянские области представляли единое целое с точки зрения их социально-экономических условий. В этом отношении особенно убедителен пример Воеводины (южная часть Венгрии), населённой сербами, и примыкающей к ней части Военной границы, т. е. часть Баната, Бачки, Срем.

Военная граница представляла собой территорию, заселённую граничарами, которые обязаны были нести военную службу. За это они получали от казны участки земли, военную амуницию и пару сапог в год. Граничары платили поземельные налоги и выполняли натуральные повинности, размер которых определялся размерами их участков (день ручной работы или полдня работы человека с упряжкой за каждый их земли)*. Размер граничарских участков не мог превышать 24 — 34 иохов, но часто встречались дробные части целых участков, равные $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{4}$ полного надела.

Сельское хозяйство граничар было зерновым, велось по трёхпольной системе. Кроме того возделывался виноград, разводились овощи, было развито скотоводство. Помимо членов семейной задруги в хозяйстве работали наёмные рабочие. Занимались граничары и ремёслами. Хозяйство не было натуральным. Граничары широко торговали продуктами своего хозяйства и на внутреннем рынке — на многочисленных рыночных пунктах внутри Военной границы — и с пограничными странами: Румынией, Сербией, Боснией, Турецкой Хорватией⁸.

Среди городских поселений самым крупным был Земун — крупнейший рынок на Военной границе и один из важнейших пунктов транзитной торговли империи с Сербией, Боснией и рядом областей самой Австрии (Хорватия, Славония)⁹. Значительными городами были Панчево — центр Банатской Военной границы, Карловцы, Бела Црква и др. В городах было развито ремесло. Но в отличие от ремесла граничар оно существовало в цеховой форме, хотя эта организационная оболочка его уже сильно разрушалась рыночными отношениями. Ленин указывал: «Внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хозяйство... Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»¹⁰.

В области Военной границы развитие капиталистических отношений было слабое. Оно тормозилось старыми, феодальными формами и отношениями и в области экономики и в области управления (военно-феодалная организация Военной границы). Условное владение землёй стесняло развитие сельского хозяйства и препятствовало мобилизации земли. И всё же развитие капиталистических форм хозяйства началось.

Другая часть рассматриваемого района — южные комитаты Венгрии — представляла область феодально-помещичьего хозяйства. На барских землях жили крестьяне, одни из которых пользовались домом и усадьбой, другие были держателями земельных участков. Первые платили денежную ренту и должны были отбывать известное количество дней барщины. Вторые платили денежную ренту помещику, десятину духовенству, десятину помещику и несли личные повинности, размер которых зависел от размера земельного участка, находившегося в руках крестьян. Крестьяне были ограничены в хозяйственно-имущественном отношении. Они не могли владеть мельницами, трактирами, мясными

* Иох = 0,3 — 0,5 га.

⁸ Vanicek Fr. «Spezialgeschichte der Militärgrenze aus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft». Bd. IV, S. 302. Wien. 1875.

⁹ Hietzinger C. «Statistik der Militärgrenze des osterreichischen Kaiserthums». Th. III, S. 421. Wien. 1817.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. III, стр. 42.

лавками, не пользовались правом охоты и рыбной ловли. Сверх барщины помещику крестьяне должны были отбивать 12 дней с упряжкой, в порядке общественных работ по распоряжению администрации. Крестьяне имели право продавать свои участки, что при всей ограниченности возможностей реализовать это право всё же приводило к развитию малоземелья и появлению безземельных крестьян. Земли прибирались к рукам богатыми представителями крестьянства, увеличивавшими запашку и продававшими сельскохозяйственные продукты на рынке. Обезземеленные крестьяне не имели возможности получить в свои руки другую землю, так как комитатские земли также арендовались кулаками.

Основной господствующей силой было венгерское дворянство. Рядом с ним существовали дворяне-сербы. Часть их примыкала к венгерской знати. Это были крупные землевладельцы, по своей политической ориентации принадлежавшие к мадьярам. Большая же часть сербских дворян Воеводины принадлежала к низшим слоям дворянства и в полной мере испытывала на себе гнёт первенствующей мадьярской феодальной знати, почти не пользуясь представительством в венгерском Сейме.

На помещичьих землях, свободных от поземельных налогов, привилегированное сословие могло производить дешёвую пшеницу, виноград, табак. Сельскохозяйственных продуктов и скота в Венгрии было много. Производители искали выхода своим товарам на австрийский рынок, но этому мешала таможенная граница между Австрией и Венгрией, отсутствие удобных путей сообщения. Помещичье хозяйство принимало товарный характер. Происходил тот процесс, о котором Ленин применительно к России писал: «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»¹¹.

В аграрной Венгрии города были развиты слабо. Большая часть их: Велики Бечкерек, Велика Кикинда, Стара Бечей—была административными центрами аграрных районов. Действительно крупным центром был город Нови Сад, выделявшийся из прочих поселений городского типа числом жителей (19 тыс. чел.). В Новом Саде были развиты промышленный откорм скота и торговля им, судостроение, хлеботорговля, торговля вином и т. п. Это был основной культурный центр сербских земель Австрийской империи со своими школами, поддерживавшимися торговцами и ремесленниками, здесь была сосредоточена светская сербская интеллигенция¹².

Из сказанного видно, что две части воеводинской территории были различны по своей социально-экономической структуре. Они, естественно, не могли играть одинаковую роль и в событиях революционного года.

Если же от аграрной Воеводины перейти к такой области, как Чехия, то устанавливаемый нами факт различий между славянскими землями Австрии станет ещё яснее¹³. Из 900 тыс. веретён, имевшихся в 40-х годах XIX в. во всех прядильнях Австрии, 336 тыс. было в Чехии. Такакие ситценабивные фабрики, химические заводы, суконные фабрики (некоторые из них имели до 8 тыс. рабочих) — всё это представляло картину, совершенно отличную от Воеводины. Там господствовало цеховое феодальное (хотя и разрушавшее свою феодальную оболочку) ремесло и не было ни одной фабрики; здесь, в Чехии в 40-х годах, было

¹¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 140.

¹² Стајин В. «Нови Сад српски културни центар». «Летопис Матице српске», св. 1—2, стр. 18. 1946.

¹³ Удальцов И. «К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г.». «Вопросы истории» № 5 за 1947 г., стр. 26.

1389 фабрик. Чехия к 1848 г. была уже знакома с рабочим движением, хотя и в самых примитивных его проявлениях.

Чешская крупная промышленность была сосредоточена в руках немцев, мелкая и средняя — в руках чешской буржуазии. Это, с одной стороны, приводило к конкурентной борьбе и вызывало стремление вытеснить немецкую буржуазию с чешского рынка, с другой стороны, не могло не создавать известной общности классовых интересов между буржуазией той или другой национальности, не могло не вызывать общих стремлений к уничтожению феодальных пережитков, мешавших капиталистическому развитию.

Свободный лично чешский крестьянин был отягощён барщиной в пользу помещика и многочисленными повинностями и обложениями в пользу государства, общины, что влекло за собой обнищание крестьян. Значительная часть крупных землевладельцев была немецкой, это повлекло за собой появление национального антагонизма между крестьянами и землевладельцами. Чешское дворянство не было единым. Часть его, онемечившись, оторвалась от чешских интересов и тяготела к австрийскому правительству, другая — защищала исторические права чешского королевства и его представителя — сословного сейма.

Мы не приводим других примеров. Достаточно и сказанного, чтобы убедиться в наличии больших различий в развитии между разными славянскими областями. Но при всём этом есть и одно общее явление, которое роднило все славянские страны и создавало самое движение в них, — это развитие капитализма. Задача состоит в том, чтобы, отправляясь от общих обстоятельств, сближающих явления, происходящие у разных славянских народов, исследовать и те специфические черты, которые придают особый характер движению каждого народа.

В связи со сказанным следует отметить, что носителем капиталистических отношений и буржуазно-национальной идеологии не всюду в славянских областях была буржуазия. Это хорошо видно на примере Хорватии, где ещё до 1848 г. выразителем новых стремлений выступило дворянство, создавшее иллирийское движение со свойственной ему романтико-националистической идеологией.

Развитие социально-экономических отношений в таких областях, как Хорватия, Словакия, Воеводина, было аналогично характеру их развития в Венгрии, о чём Энгельс писал: «Феодальные землевладельцы всё больше и больше превращаются в оптовых торговцев зерном, шерстью и скотом, и их выступления в сейме носят последовательно буржуазный характер»¹⁴.

Важной стороной рассматриваемого процесса было развитие капиталистических отношений в среде феодально зависимого крестьянства. Началось расслоение крестьянства, выделение более богатого слоя, который стал налагать руку на общинные земли и вести торговлю своими продуктами. Два полюса в крестьянской среде обнаружились достаточно ясно уже накануне 1848 года. Обнищание крестьянства обостряло его сопротивление феодальному гнёту. В некоторых областях (Хорватия) это сопротивление имело место ещё накануне революционных событий 1848 года.

В славянских землях развивался капитализм и в особых условиях вырастала буржуазия не так, как это происходило в других странах Европы или в других частях Австрии. Сказывались эти местные особенности развития капитализма и на положении переходившего к товарному производству дворянства. Славянская буржуазия и дворянство сталкивались с конкуренцией на рынке и с господством в государстве инонациональных буржуазии и дворянства. Вот почему борьба славян не могла быть борьбой только против феодально-немецкого или венгерско-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 247.

го государства. Она оказывалась одновременно и борьбой против чужой буржуазии. Славянская буржуазия стремилась обеспечить себе «свой» «родной» рынок. Вот почему отдельные национальные области Австрии оказались враждебными друг другу. И этим объясняется различие тех задач, какие революция ставила перед славянской буржуазией и перед буржуазией других народов. Для германской буржуазии основная национальная задача заключалась в создании национального единства, для славян — в освобождении от инационального гнёта, и это было способом решения вопроса о своём национальном рынке. Особенно это должно было проявляться в тех областях, где чужой гнёт был двойным: немецким и мадьярским, — в Словакии, в венгерских комитатах с сербским населением (Воеводина). Здесь ощущение относительной тяжести того и другого гнёта приобретало огромное политическое значение. Можно сказать, что в то время как противодействие австрийского феодального государства буржуазному развитию подвластных народов проявлялось по отношению и к славянам, и к венграм, и к немцам, национальный гнёт со стороны венгров и немцев был специфичен для отношений в славянских землях. Национальный гнёт не был явлением новым для 1848 года. Влияние его славяне испытывали и пытались бороться против него ещё до 1848 г., в революцию 1848 г. они вошли со сложившимися уже и живыми традициями национальной борьбы.

Шовинистические стремления мадьяр превратить территорию венгерского королевства в землю единой нации с единым господствующим языком, сопровождавшие венгерское национальное возрождение ещё накануне революции 1848 г., столкнули венгров со славянами, входившими в состав венгерского государства, особенно с хорватами и сербами.

В самом деле, ещё с начала 40-х годов началось мадьярское наступление на славян. Венгры исходили из принципа государственного единства, они отрицали права сербов и хорватов на особое политическое бытие. Исходя из этого, Пожунский (Пресбургский) сейм 1843 г. принял решение, подготовленное постановлениями ещё 30-х годов, о замене латинского языка на сейме венгерским, обязав сербов к ведению церковных метрических записей на венгерском языке. Обязательным языком суда и школы был признан венгерский. Последующие сеймы продолжали и усиливали этот национальный нажим, что не могло не вызывать недовольства в славянской среде.

Если же учесть, что 40-е годы были периодом национального подъёма в славянских землях, ярко проявившегося во всех сербских областях и в Хорватии, то станет понятным обострение национальной борьбы и начавшееся до событий 1848 г. проявление её во время революции. Напомним такие характерные факты. В 1844 г. Илья Гарашанин — один из крупнейших государственных деятелей сербского княжества — в написанном им «Начертании» провозгласил программу внутренней и внешней политики. Это была великосербская программа объединения вокруг Сербии, в первую очередь сербских, а затем и других славянских земель Балканского полуострова. В следующем году Гарашанин начал устанавливать связи в соседних областях, в том числе и в австрийских сербских землях. В намеченные пункты засылали агентов и пропагандировали идею объединения, которая получила известный отклик и среди сербов Воеводины. Независимо от внешних воздействий сербы Воеводины проявляли признаки национально-культурного подъёма. Очень интересен в этом отношении канун 1848 года. В 1847 г. появились стихотворения Бранка Родичевича; был напечатан подготовленный группой молодёжи, объединявшейся вокруг Светозара Милетича, сборник стихотворений «Славянка», в котором высказывались мысли о будущей великой роли славян. Появление таких на первый взгляд далёких от политики произведений, как «Борьба за серб-

ский язык и правописание» Д. Данилича, или перевод Нового Завета Караджича, не говоря уже о «Горном венке» Петра Негоша, способствовало укреплению национального самосознания и тем сильнее увеличивало недовольство и сопротивление мадьярскому натиску.

Чешские «будители» и их деятельность были первым проявлением чешского национального возрождения. Но уже в 30-е годы оно не замыкалось только кругом литературных вопросов, а начало переходить и в область политики. От провозглашения требований на свободное развитие национальной культуры уже в начале 40-х годов чехи переходят к политическим выступлениям; чешский сейм требует восстановления своего права вотировать налоги; всё резче говорит чешская печать.

Задолго до революционных событий 1848 г. в Чехии стали возникать клубы, представлявшие зародышевую форму политической организации. В 1843 г. появился ряд таких частных клубов-«бесед» для ознакомления с иностранной литературой. Тогда же чисто немецкое «Промышленное общество» открыло доступ в свои ряды чехам. В него устремились чешские буржуазные деятели: Ф. Палацкий, Ф. Браунер и др. Они же принимали участие в чешском политическом клубе «Мещанской беседе». А рядом с этими буржуазно-либеральными организациями действовало чешско-немецкое тайное общество «Рипиль», назвавшееся именем ирландской национальной организации. Это было общество радикально-демократического направления, стремившееся к созданию демократической конституции в Австрии. В числе руководителей общества были К. Сабина, В. Вавра, Э. Арнольд. Некоторые из руководящих деятелей «Рипиля» находились под влиянием социалистических идей.

В Хорватии иллиризм способствовал общему подъёму национально-политической мысли. Провозглашённая в 1842 г. Кукулевицем программа требовала автономии самоуправления и признания прав хорватского языка. В польских землях наиболее ярким фактом политической борьбы до 1848 г. было Краковское восстание 1846 года. Политика господствующих классов Австрии «разделяй и властвуй», так ярко сформулированная императором Францем I: «Мои народы чужды друг другу — тем лучше... Из их вражды возникает порядок, а из их взаимной ненависти — мир», — способствовала ещё большему обострению национальных конфликтов в Австрийской империи.

Обострение национальных отношений до 1848 г., национальная борьба приводили к попыткам формулирования политических платформ, основу которых — и это вполне понятно — составляли вопросы национально-политического характера. Не всюду она принимала одинаково чёткие и ясные формы. Если в одних областях развитие политической мысли достигало значительного уровня и приводило к формулированию положений, которые продолжали звучать и в 1848 г. (программа Кукулевича в Хорватии, развивавшая идею национально-политической автономии, политические брошюры и формулирование положений австрославизма в Чехии, программа воссоздания польского государства), то в других областях политический подъём накануне 1848 г. находил своё выражение в литературной романтике и развитии идеи славянского племенного единства, славянской взаимности (кружок Светозара Милетича в Воеводине, шутовское движение в Словакии). В этих ранних проявлениях славянской политической мысли социальные мотивы звучали слабо, а иногда и вовсе отсутствовали. Национальный гнёт выдвигал на первый план вопросы национально-политической борьбы. Этому помогало руководящее положение буржуазных и дворянских идеологов, дававших в то время тон обсуждению политических проблем.

Тем не менее, когда разразилась революция во Франции, Германии, Австрии, движение в славянских землях приняло массовый характер, в связи с чем на первый план стали выдвигаться социально-

политические требования. Почву для развития демократического движения у славян создавало прежде всего бесправное положение народных масс.

Февральская революция во Франции разбудила Европу. В Германии она захватила прежде всего западные части (Баден, Гессен и др.). В Австрии первые известия о провозглашении в Париже республики были получены 29 февраля, а уже 8 марта на улицах Праги появились листовки с призывом к всеобщему вооружению народа, уничтожению цензуры и т. п. 11 марта на народном собрании был образован политический орган — Святоцлавский комитет, куда вошли представители чешской и немецкой буржуазии, интеллигенции, дворянства. Его первоначальной задачей было окончательное формулирование обсуждавшейся на собрании петиции императору. Отклик на французскую революцию в славянской Праге опередил мартовские события в Вене — факт, ярко говорящий о самостоятельном развитии политической борьбы славян.

Если некоторые славянские области, такие, как Чехия или Познань, в силу специфики своего экономического развития и национально-политического положения обнаружили признаки политической активности раньше чисто немецких областей Австрии и других немецких государств, то другие, более отсталые славянские народы вступили в движение вслед за событиями в Вене и Будапеште. Эти события явились особо важным толчком для непосредственного развития движения южных славян, так как известные группы последних принимали участие и в венских столкновениях и в будапештских митингах.

События в Будапеште вызвали живой отклик даже в таких захолустных местах, как Закарпатье. Спусти три — четыре дня после будапештских событий в Ужгороде и Мукачёве были расклеены прокламации, излагавшие 12 пунктов, сформулированных в Будапеште 15 марта. Требования, содержащиеся в них, обсуждались и дополнялись¹⁵.

Независимо от того, когда началось движение славян — до или после начала борьбы в Вене и Будапеште, — оно всюду обнаруживало в этот первый период ряд общих черт. Инициативу борьбы в первый момент брали в свои руки городские демократические круги. Это ослабляло значение не только реакционных, но и либерально-буржуазных групп, которые отодвигались движением на задний план. Выступления городских демократических масс в некоторых местах сопровождались резкими столкновениями с властями, свержением их и даже расправами над враждебными народу деятелями администрации, противодействием войскам, а иногда классовыми выступлениями низов против буржуазии и дворянства, в которых национальный момент не играл уже никакой роли. На помощь городским демократическим элементам во многих случаях приходили крестьяне. Иногда они действовали особенно активно.

Движение прокатилось по всей Воеводине. В Панчеве — крупном центре Баната — жители собрались в городском управлении, прогнали чиновников, градоначальника (штайгер), который с вырванной бородой еле ушёл от толпы. В Земуне, где также имели место народные выступления, местные городские власти — штайгер и магистрат — были смещены и заменены новыми выборными лицами. В оба пункта были двинуты войска. В Земуне появление солдат усилило возбуждение. Из ближайшей округи в город двинулось до 5 тыс. крестьян. Опасаясь столкновения с многочисленной толпой, военный отряд из города вывели. Почти такой же ход событий имел место в Панчеве. Но при-

¹⁵ См. статью И. Мельниковой «Закарпатская Украина в революции 1848 года». «Учёные записки» Института славяноведения АН СССР. Т. II (в печати).

сланный сюда отряд граничар с пушками сделал попытку договориться с национальной гвардией о прекращении волнений. Однако последняя действовала совместно с народом. На соглашение с войском гвардия не пошла и настаивала на выводе граничар из города. Так же как в Панчеве, командование предпочло не вступать в вооружённую борьбу с восставшим народом и вывело войска из города.¹⁶

Аналогичные события имели место в Познани. В городах Курник и Бнин народ срывал с учреждений прусские гербы. В Милославе толпа уничтожила магистратские документы. Город Тшемешно был захвачен вооружённой косами и вилами группой крестьян, а в городе Могильно крестьяне разоружили жандармов и отдали оружие национальной гвардии¹⁷.

В Праге, где первыми выступили демократические элементы, объединённые обществом «Рипиль», движение с самого начала стало на путь подачи петиции, что было связано с преобладающим влиянием буржуазных элементов в чешском движении.

Городское движение в центре Галиции — Львове — началось с выработки петиции императору. Толпы народа слушали чтение приготовленного текста адреса. В короткий срок под ним подписалось свыше 12 тыс. человек. Но адрес по характеру выраженных в нём требований был компромиссным. В создании его принимали участие представители не только либеральной буржуазии, но и либеральных помещиков. Их влияние особенно ясно сказалось в ограниченной постановке крестьянского вопроса¹⁸. В первый период движения возникали национальные гвардии, которые создавались из представителей всех национальностей: славян, немцев и венгров. Действовали они первоначально в полном согласии с восставшим народом, как это показывают приведённые выше факты. Для этого первого этапа характерно преобладающее значение не национальных лозунгов, а социально-экономических требований и пожеланий государственных преобразований.

Подтверждением этого служат петиции, составившиеся и посланные правительству из самых различных пунктов. Так, пражская петиция требовала установления единого законодательного сейма для земель чешской короны. Представительство в нём наряду с дворянством и духовенством должно было получить городское и сельское население. Петиция содержала требования отмены барщины и других феодальных повинностей на основе выкупа; сокращения постоянного войска и создания национальной гвардии с выборными офицерами, признания равенства чешского и немецкого языков во всех областях государственной и общественной жизни и культуры; свобода слова, печати, собраний, религии; организации труда и т. д. Петиция, принятая в Панчеве (Воеводина), требовала отмены барщины, прекращения освобождения отдельных лиц от прямых налогов, отмены чрезвычайных налогов на местные нужды, свободы выбора городских чиновников, свободы печати и собраний, введений суда присяжных, организации национальной гвардии и др.

Горожане Мукачёва (Закарпатье) поддержали решение венгерского города Надь-Канижа о добавлении к будапештским 12 пунктам требований о создании национального банка, о всеобщем гражданском равенстве, о конфискации владений привилегированных сословий и обращении их доходов на помощь бедным и др.

¹⁶ Каррер «Die serbische Bewegung in Südungarn». Berlin. 1851; Bogdanov V. «Nacionalni i socijalni sukobi Vojvodana i madara 1848—1849». Zagreb. s. a.

¹⁷ Шустер У. «Познанское восстание 1848 г.» «Вопросы истории» № 3 за 1948 г., стр. 22.

¹⁸ См. статью И. Миллера «Накануне отмены барщины в Галиции (из истории идейно-политической борьбы в польском обществе 30—40-х годов XIX века)». «Учёные записки» Института славяноведения АН СССР. Т. II (в печати).

Все названные черты движения у разных народов проявлялись не в равной мере, а у некоторых и вовсе отсутствовали, что вполне естественно при наличии социально-экономических различий между ними. Если у чехов и у сербов Воеводины городское движение в марте 1848 г. представляло важный и крупный фактор, то в Хорватии и других местах оно протекало значительно менее ярко. Неодинаково оно и ещё в одном отношении. Так, Прага, центр чешского движения, была вполне сложившимся городом капиталистической эпохи, завершившим отделение от деревни, и существенно отличалась от сербских городов южной Венгрии, которые в значительной части были лишь административными центрами сельскохозяйственных районов. Это определяло чисто городской характер движения в Праге и связь городского движения с крестьянским в Воеводине, особенно в таких пунктах, как Великая Кикинда и др.

Ещё одной важной чертой первого этапа борьбы было мощное крестьянское движение. Широкое развитие крестьянского движения было общим явлением для Хорватии, Воеводины и Познани. Но крестьянская борьба в этих областях носила различный характер. Обезземеленное крестьянство Воеводины стремилось к переделу земель, в чём встречало поддержку со стороны городских демократических элементов. Непосредственная связь городского и крестьянского движения была сильнее в мелких городских центрах аграрных районов и слабее ощущалась в таких пунктах, как Нови Сад, Земун, хотя и в последнем она проявилась в самом начале движения. В Хорватии основным вопросом о повинностях и правах крестьян. В первое время это был вопрос об урбанизации (барщина и другие повинности). Сопrotивление хорватского дворянства осуществлению решений Пожунского сейма об отмене барщины вызывало крестьянские волнения, побудившие бана Елачича опубликовать декрет об отмене феодальных повинностей. Новые проявления крестьянской борьбы, такие, как в Гробнике, где обнаружилось стремление к отделению от загребской жупании и выделению в самостоятельную административную единицу — нечто вроде крестьянской республики, внутри которой стали заводить свои порядки, выгоняя правительственных чиновников, захватывая помещичий лес и т. п., — заставили хорватский сабор в июле вновь принять решение по тому же вопросу. Но и на этот раз решение было половинчатым, а вопрос о виноградниках и повинностях за пользование ими остался нерешённым. Это вызвало осенью 1848 г. новую волну крестьянской борьбы. Более слабое развитие капиталистических отношений в хорватском городе и руководящая роль дворянства в национально-политическом движении Хорватии привели к ослаблению социального характера и размаху крестьянского движения.

Противоречие задач крестьянского движения и политических стремлений польской шляхты в Познани побуждало последнюю, в лице Познанского комитета и его местных органов, препятствовать начинавшемуся восстанию крестьянства и городских низов. Движение, задержанное в самом начале, было введено в русло легальности. Надо сказать, что в крестьянском движении сильнее, чем в городском, обнаружилась связь аграрной проблемы с национальной, ибо национальный гнёт особенно остро ощущался в Венгрии (в том числе в Воеводине, Словакии, Закарпатье), Словении, Галиции, где помещик был представителем господствующей национальности. Проявления этой связи могут быть отмечены уже на первом этапе движения.

Стремление к легальности широко проявлялось в деятельности буржуазно-дворянских кругов всех славянских областей. В одних местах (Галиция, Чехия) движение начиналось с подачи петиций, в других (Познань) дворянские круги стремились задушить возникшее уже массовое движение и подменить его петиционной кампанией. Петиции по-разному

отразили соотношение сил в различных местах, и степень демократичности их требований неодинакова.

Однако вскоре стали себя обнаруживать либеральные и консервативные элементы. Кое-где, например в Галиции, либералы проявили себя и в самом начале движения. В связи с усилением активности консервативных и либеральных группировок внутри славянского движения стали возникать конфликты. Обнаружился раскол в Святовацлавском комитете в Праге, где появились умеренная и радикальная группы; в начавшем свою деятельность 13 апреля «Национальном комитете» большинство принадлежало представителям либеральной буржуазии. Да и самое создание «Национального комитета» представляло явный шаг буржуазии навстречу правительству в лице графа Стадиона, который, стремясь подорвать значение Святовацлавского комитета, создал комиссию для подготовки реформ, пригласив в неё ряд умеренных членов Святовацлавского комитета. Только под давлением жителей Праги, требовавших объединения комиссии и Святовацлавского комитета, возник «Национальный комитет». Он стал ареной внутренней борьбы. Такая борьба, например, возникла вокруг привезённого из Вены «кабинетного листа», содержавшего обещание создать ответственное министерство для земель чешского королевства, признание равноправия чешского и немецкого языков во всех областях государственной и общественной жизни и др. Это обещание побудило немцев, видевших в нём отказ от господства немецкого элемента и немецкого языка в Чехии, протестовать против равноправия. В связи с этим обострились национальные разногласия и столкновения и в «Национальном комитете» и в национальной гвардии. Рост межнациональных конфликтов стоял в связи с распространением среди немцев Чехии пангерманских настроений, усилившихся под влиянием требований франкфуртского комитета включить Чехию в Германскую империю. В «Письме во Франкфурт», послужившем ответом на приглашение принять участие в деятельности Франкфуртского комитета, Палацкий формулировал австро-славистскую программу как программу сохранения австрийской монархии, хотя и в реформированном на федеративной основе виде. Из этого желанья сохранить габсбургскую империю видно, что в самом начале в программе австро-славизма заключались реакционные положения, более ярко проявившиеся позже, и прямая поддержка Габсбургской империи, осуществлённая позже либеральной буржуазией, представляла лишь вполне логичное развитие первоначального тезиса. «Письмо во Франкфурт» отчётливо обнаружило национальный чешско-немецкий конфликт, давший себя знать и в Национальном комитете. Пангерманская пропаганда, ведшаяся не только немецкой буржуазией, но и немецкими буржуазными и мелкобуржуазными демократами, значительно способствовала усилению национальной распри между славянами (и не только чехами) и немцами.

И в польской среде. (а основоположники марксизма считали поляков носителями подлинно демократических стремлений) обнаружился раскол в связи с восстанием в Познани.

Мысль о восстании принадлежала демократическим элементам. Они убеждали Познанский комитет захватить крепость, что было осуществимо, настаивали на вооружении народа. Но Познанский комитет призывал население вступать в отряды, из которых он хотел формировать разрешённый прусским правительством польский корпус. Желая опереться на крестьянство, Познанский комитет обещал им отмену барщины и освобождение от повинностей. Крестьяне и городские низы приняли активное участие в формировании польских отрядов, надеясь в борьбе с прусским правительством добиться осуществления своих требований. Однако разногласия между Познанским комитетом и Мерославским относительно перспектив и задач подготовки военных сил, боязнь столкновения с Пруссией и надежда Познанского комитета на русско-пру-

скую войну как способ направить возбуждение масс против России обострили расхождения между Познанским комитетом и демократическими польскими кругами. Внутренний конфликт в Познанском движении облегчил победу прусскому правительству. Ярославская конвенция 11 апреля 1848 г., которую принял и Мерославский, означала отказ Познанского комитета от борьбы за независимость Польши. Либеральный Познанский комитет предал революционно-демократическое крыло и обрёл на неудачу всё познанское движение.

Социальное и национальное противоречие в той или иной форме и мере были уделом и других славянских народов. В аграрных областях: Воеводине, Хорватии—резко проявилось противоречие между помещиками и крестьянами. Почвой для него было значительное аграрное движение, сопровождавшееся захватом помещичьих земель, разгромом усадеб. Широкое крестьянское движение охватило Банат. Крупные помещики начали борьбу против восставших крестьян. Первыми выступили помещики-венгры, но вслед за ними против крестьян открыли действия и сербские феодалы. Крестьянская борьба привела к созданию единого фронта венгерских и сербских помещиков против крестьян, поддержанного венгерским правительством.

В то же время сербские либерально-австрославистские круги пытались взять руководство движением в свои руки. Временное правительство Воеводины, чем фактически являлся Главный Одбор, возглавленный Джорже Стратимировичем, пыталось направить развитие событий в желательном ему направлении. Оно стремилось создать систему подчинённых ему органов управления, сосредоточить в своих руках и гражданскую и военную власть. Либералы стремились подчинить своему руководству и контролю и радикальное крыло движения.

Ещё более чреватых последствиями оказался национальный конфликт между венграми и сербами, венграми и хорватами, венграми и словаками. Попытки сербов договориться с венграми на основе требований, заявленных в городских петициях, оказались неудачными. Революционное венгерское правительство в лице Кошута не захотело признать равноправия славян. Оно отрицало за славянами право на политическое существование, на самоуправление; оно отвергало самую мысль об отказе от своего господства над славянскими землями. Всё это происходило так, как отменял И. В. Сталин, говоря о национальном вопросе: «Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречаются на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства»¹⁹. Характерно, что слова о мече, который решит спор с сербами, были сказаны именно Кошутом. Его устами руководители венгерской буржуазной революции отказались от признания национальных прав сербов. В такую же позицию они становились в отношении хорватов, этим же грозили словакам. Разыгравшийся в результате конфликт имел весьма тяжёлые для обеих сторон последствия. Сербы были слишком слабы для борьбы с венграми один на один. Они должны были искать поддержки и опоры. Такую поддержку они стали искать прежде всего среди соплеменников. Уже на майской скупшине в Карловцах было намечено вступить в союз с хорватами. Союз вскоре был заключён. Но он был недостаточен. Сербы Воеводины искали помощи в сербском княжестве, откуда получили помощь людьми и оружием. Создавалось широкое сербо-хорватское военно-политическое сотрудничество, характеризовавшееся рядом важных черт. Сербское правительство содействовало сближению Воеводины и Хорватии. Оно исходило при этом из своих собственных интересов. Сербы опасались, что разгром воеводинского движе-

¹⁹ И. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 304.

ния повлечёт за собой усиление Австрии на Балканах и эвентуальную угрозу Сербии. Были среди правительственных деятелей люди, лелеявшие мысль о присоединении Воеводины к княжеству Сербии. Что же касается хорватов, то бан Елачич, заключавший союзный договор с сербами Воеводины, строил планы борьбы с венграми, не скрывая своего намерения опереться на императорский дом. Увеличение сил сербо-хорватского союза было, таким образом, обстоятельством, чреватым существенными последствиями.

Возникшая перед сербами угроза национальному бытию в различной степени и форме являлась опасностью для всех славян. В Познани, например, на первый план выступал национальный конфликт с немцами по поводу так называемого «седьмого раздела Польши», т. е. отделения значительной части польской территории и поглощения её Германским союзом. Этот конфликт привёл к вооружённой борьбе. В Чехии провокационная тактика Виндишгреца послужила поводом к Пражскому восстанию.

Всё это показывает, что в апреле—мае 1848 г. все австрийские славяне находились на грани открытого столкновения с угнетателями, все они нуждались в объединении своих сил. Все искали союза и поддержки.

Этими мотивами и задачами определялся созыв славянского съезда. У каждого народа были свои непосредственные задачи и нужды, далеко не во всём совпадавшие. Главный вопрос — о будущем политическом устройстве — чехи и поляки, словаки и южные славяне решали различно. На съезде были представители несходных политических течений. Единого взгляда на этот основной вопрос быть не могло. Тем не менее господствующей точкой зрения на конгрессе была точка зрения австро-славизма, хотя она не покрывала полностью всех течений съезда, например, польского. Никакого иного, более широкого славянского объединения Пражский славянский съезд не проектировал²⁰. По основной массе участников, по кругу рассматривавшихся вопросов и значению Пражский съезд был съездом австрийских славян, а не общеславянским конгрессом. Славянский съезд не довёл своей работы до конца. Пражское восстание разделило участников съезда на две части.

Надо сказать, что возникло Пражское восстание стихийно. В ходе его не сложилось единого направляющего центра. Во главе отдельных групп восставших стояли представители чешских буржуазных радикально-демократических кругов: И. Фрич, К. Сабина и др. Руководители восстания понимали важность распространения его на провинцию. Они послали представителей в ближайшие города и сёла, результатом чего был приход к Праге ряда провинциальных отрядов. Но напуганные перспективой революции вожди либерального течения и руководители Славянского съезда—Палацкий, Ригер, Шафарик — призывали к капитуляции и вступили в переговоры с Виндишгрецом, пытаясь стать посредниками между ним и восставшими.

Другие участники Пражского съезда, мораванин Ф. Зах, словак Л. Штур, русский М. Бакунин и др., пытались оказать помощь восстанию и его руководителям. Удалось поднять новые крестьянские отряды, но провести их в город оказалось невозможным. 17 июня Прага капитулировала. Разгром Пражского восстания и особенно подавление июньского восстания парижских рабочих явились началом новой полосы, нового этапа в ходе революционных событий 1848 г. — началом реакции.

В это время происходит перелом и в развитии славянского движения. В Чехии после поражения Пражского восстания во главе политической борьбы встают Палацкий и его сторонники. Напуганные Праж-

²⁰ См. статью И. Удальцова «Из истории славянского съезда в Праге в 1848 году». «Учёные записки» Института славяноведения АН СССР. Т. II (в печати).

ским восстанием и начавшимся аграрным движением, они стремились замкнуть политическую борьбу в узких рамках борьбы за исторические права земель чешской короны. Представители этого течения в венском рейхсрате отстаивали цензовую систему выборов, две палаты, защищали требование выкупа феодальных повинностей. Либеральная буржуазия окончательно перешла в лагерь реакции.

В Воеводине возвратившийся из поездки в Инсбрук патриарх Раячич вступил в борьбу с руководителем Главного Одбора Стратимировичем, представителем либеральных австрославистских тенденций. Опираясь на граничарское офицерство, он в своих руках сосредоточил политическую власть, а военную передал воеводе Шуплику. В связи с этим произошло изменение социального состава сербских боевых сил: в них сократилось число горожан и возросла численность регулярных граничарских отрядов, вступавших в сербское войско. Сдвиг в сторону реакции в Воеводине был даже значительнее, чем в Чехии, Раячич, сделавшийся руководителем движения, вступил в тесные сношения и союз с Виндишгрецом, с венским правительством и прямо и сознательно стал орудием реакционной австрийской политики. Раячич действовал в тесном союзе с баном Хорватии Елачичем. Облеченный Хорватским сабором в июне 1848 г. неограниченными полномочиями, Елачич первоначально добился мира с Венгрией на основе объединения основных венгерских министерств (военного, финансов, иностранных дел) с австрийскими; признания права хорватского языка в общем сейме, за что хорваты готовы были признать венгерское министерство; признания требований сербов Воеводины. Невозможность сговориться с венграми толкнула хорватов, так же как и сербов, к войне с ними. Если в период переговоров Елачича с венграми (июнь) австрийское правительство не разобралось в положении и отрешило его от должности, то в сентябре в Загребе радовались отмене указа об отстранении Елачича и выражению императорской милости бану в собственноручном письме Фердинанда. Елачич стал видным руководителем военной борьбы с венграми и надеждой реакции. Недаром, подбадривая прусского короля к подавлению восстания в Познани, российский императорский дом словами жены Николая I, сестры Фридриха Вильгельма IV, призывал короля стать «пруссим Елачичем». Имя хорватского бана становилось знаменем самой крайней реакции. Его деятельность вполне соответствовала его «славе».

Елачич начал свою борьбу с венграми в то время, когда Радецкий разгромил революцию в Верхней Италии, когда Виндишгрец вел мобилизацию сил против Вены, когда на очереди у австрийского правительства стоял военный поход против венгров. Теперь уже это была не оборона сербо-хорватских национальных требований и прав от венгерских притеснений. Национальная свобода не могла быть добыта совместно с Виндишгрецом. Руководство политической борьбой захватывали с помощью либеральной буржуазии представители реакции.

На позицию славянской либеральной буржуазии оказало влияние отношение немцев к заявлениям славян в рейхстаге. Классики марксизма разоблачали и клеймили политику порабощения славян, проводившуюся господствующими классами Германии. «Новая рейнская газета» в статье по поводу пражского восстания писала: «Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военицины»²¹.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 185; см. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 29.

Слабость германского пролетариата, контрреволюционность и предательство немецкой буржуазии, слабость и трусость мелкобуржуазной демократии привели к поражению революции. Этому способствовала победа реакционеров в славянском движении, приведшая его к союзу с австрийской реакцией. Революция была добита реакционной крепостнической царской Россией.

Николай I ещё в самом начале движения желал его подавления. Он был недоволен апрельским рескриптом, отменявшим барщину в Галиции, требовал выдачи польских эмигрантов и старался толкнуть австрийское правительство на кровавую расправу с движением. Царское правительство двинуло свои войска на подавление революции в Дунайских княжествах. Когда оккупация княжеств царскими войсками вызвала тревогу Турции, глава английской буржуазии Пальмерстон поддержал Николая I, заявив в парламенте о дружеском расположении английского правительства к России.

Октябрьские события в Вене, роспуск рейхсрата, подчинение командованию Елачича всех войск в Венгрии и сопредельных областях и возложение на него прав чрезвычайного комиссара делами Елачича и его армию важнейшим оружием в борьбе реакции против революции и в Венгрии и в Австрии.

Экцессы со стороны солдат вызвали волнение во Львове; непродолжительное сопротивление горожан и национальной гвардии войскам было подавлено при помощи артиллерийской бомбардировки.

Правительство стремилось подавить крестьянское движение, с новой силой вспыхнувшее в ряде местностей, в том числе в Буковине. 7 ноября, а затем 26 декабря 1848 г. последовали обращения к крестьянам Венгрии, сулившие повешение всякому обывателю, у которого будет обнаружено оружие, и угрожавшие уничтожением тех селений, крестьяне которых нападут на войско. Реакция стремилась оторвать крестьянство от революционной борьбы и ослабить силы демократии.

Насколько слабы были эти силы, видно из позиции Кромержижского рейхсрата в вопросе об ассигновании средств правительству на подавление венгерской революции. Из всего состава рейхсрата только польские представители высказались против предоставления кредитов. И это одиночество их было подчёркнуто иронической, но свидетельствующей о преданности правительству речью Ригера по поводу Виндишгреца и расстрела главнокомандующего национальной гвардией Мессенгаузера. Роспуск Кромержижского рейхсрата и опубликование конституции представляли новый успех реакции. За ними последовало отложение Венгрии от Австрии и приближение войск Кошута к Вене. Последнее вызывало живейшее беспокойство царской России. «Мы не можем позволить пасть австрийской монархии: этот вопрос чрезвычайно жизненный для нас», — писал в одном из своих писем Нессельроде. Варшавское свидание Николая I и Франца Иосифа 21 мая 1849 г. скрепило союз русской и австрийской реакции, позволивший добить венгерскую революцию. Действия Паскевича не вызвали протеста Франции, а английское правительство, устами Пальмерстона заявившее, что «если бы Австрии не было, то нужно было бы её создать», способствовало окончательному подавлению революции. Не только дворянская Россия Николая I, но и буржуазная Англия оказалась оплотом реакции.

Слабость славянской буржуазии, единственного возможного вождя буржуазно-демократической революции в славянских землях, слабость, явившаяся результатом недостаточного капиталистического развития славянских стран; трусливость славянской буржуазии, неуверенной в своих силах и боявшейся союза с крестьянским движением и пролетариатом; поиски ею союзников в дворянстве — всё это неизбежно вело к программно-тактической умеренности. Программа славянской либе-

ральной буржуазии оставалась далеко позади программы передовой демократии. В этих условиях славянские революции не могли победить. А решающим шагом к краху было поражение демократического крыла и предательство революции либералами. «Феодализм был снова восстановлен руками ещё вчера антифеодальной буржуазии»²².

Однако и во второй период революции славянские демократы не шли за либералами. Их было мало. Они были слабы. Но они не изменяли своим позициям. Чешские депутаты рейхсрата, принадлежавшие к радикально-демократическому лагерю, остались в Вене при переводе рейхсрата в Кромержиж. Из Праги в Вену были посланы депутации для выражения солидарности с восставшей столицей. Позднее, весной 1849 г., они приветствовали венгерскую революцию, и лозунг «Да здравствует Кошут!» был популярен в Праге. Хорошо известна последняя попытка чешских радикалов организовать восстание в мае 1849 года. В ней важно стремление к совместным действиям с немецкими и венгерскими демократами, наличие соглашения между которыми было констатировано австрийским судом, рассматривавшим дело о Пражском заговоре. Это попытка малочисленной группы, в которой мы встречаем деятелей, занимавших радикальную позицию и раньше, — Э. Арнольда, К. Сабину и др. Говоря о деятельности демократов в последний период революции, нельзя не вспомнить буковинского крестьянина Л. Кобылицу, избранного депутатом рейхсрата, где он всегда голосовал с радикалами. В ноябре 1848 г. он вернулся на родину и здесь возглавил аграрное движение крестьян. Несколько тысяч крестьян, вооружённых чем попало, поднялись на борьбу во имя раздела помещичьих и государственных земель между крестьянами. Они сумели продержаться несколько месяцев, прежде чем движение было окончательно подавлено. Оно отчётливо говорит о непрекращавшейся работе славянских демократов, понимавших, что низвержение абсолютизма и освобождение народа может быть достигнуто лишь революционным путём.

Поворот славянской буржуазии и дворян к реакции вызвал резкие оценки Маркса и Энгельса. Нельзя понять эти оценки, если не учитывать условия и время, когда они были сформулированы. Часть из них опровергнута всем последующим историческим развитием славян. Сюда относятся утверждения о неисторичности славян (исключая поляков, русских и с оговоркою южных славян) и о неспособности их к самостоятельному государственному существованию. Революционная борьба славян в XX в. дала тот самый ответ на вопрос, которого Энгельс ждал от славян, говоря: «Если бы славяне в какую-нибудь эпоху своего угнетения начали новую революционную историю, они уже этим доказали бы свою жизнеспособность»²³.

Подходя к славянскому движению 1848 г. как политические деятели, основоположники марксизма оценивали его политическое значение, влияние на общий ход революции в Европе. Революционные выступления славян, как явствует из статьи о Пражском восстании²⁴, встречались сочувствием и поддержкой. Ленин указывал, что Маркс заботился больше всего «о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путём участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов»²⁵.

Но когда во главе славянской борьбы встали Раячич, Палацкий, Ригер, Елачич, когда между сербами и хорватами, с одной стороны, и революционной Венгрией — с другой, началась война, в которой славяне опирались на союз с Австрией, основоположники марксизма формули-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 50—51.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 213.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 184—186.

²⁵ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 110.

ровали свой тезис о контрреволюционной роли славян. Первый этап славянского движения приветствовался Марксом и Энгельсом²⁶, но он скоро остался пройденным. А политически значительным фактом оставалась только борьба славян в лагере реакции против революционной Вены и Венгрии, что и вызвало известные, вполне справедливые характеристики славянского движения 1848—1849 гг. как сыгравшего контрреволюционную роль.

На отношение Маркса и Энгельса к славянскому движению не могло не повлиять событие такого крупного масштаба, как русская интервенция в Австрии. Указывая, что враги революции сконцентрированы в России и славянских землях Австрии²⁷, основоположники марксизма остро ощущали предполагавшуюся опасность союза славян с Россией. Возможность панславистского объединения вызывала оценку всяких межславянских связей как проявления панславизма. В них видели «фантастическую общеславянскую национальность»²⁸, за которой могла стоять «ужасная реальность Российской империи»²⁹.

Задачи, стоявшие перед революцией, в 1848 г. не были решены. Тем не менее события 1848 г. значительно двинули вперед развитие славянства. Революция 1848 г. способствовала ликвидации основ феодально-крепостнических отношений. Она содействовала дальнейшему процессу классового и политического размежевания в среде славянских народов. Она способствовала сближению славян между собой. Она дала толчок возрождению сербов-лужичан, политическая борьба которых после 1848 г. значительно обострилась, поляков Силезии. Революция 1848 г. имела большое влияние на развитие революционной мысли России (Н. Г. Чернышевский и др.), которая в свою очередь позже начала оказывать влияние на славян и уже в 60—70-х годах способствовала формированию взглядов Любена Каравелова, Христо Ботева, Светозара Марковича, а затем Благоева и др.

Революция в России, распад габсбургской Австро-Венгрии и Германской империи способствовали решению многих вопросов, поставленных в 1848 году. Образовался ряд самостоятельных славянских национальных государств. Но, достигнув государственной самостоятельности, славянские государства не сумели решить прежде всего национальный вопрос. И в Чехословацкой республике, и в королевской Югославии, и в Польской республике национальное неравноправие, национальный гнёт не были уничтожены. Тем более не были решены вопросы социально-экономических отношений, так как буржуазное государство не было способно их решить.

ОТ РЕДАКЦИИ. Признавая большую важность вопросов, поднятых в статье С. Никитина, а также недостаточную разработанность их в марксистской историографии, редакция приглашает научных работников, занимающихся исследованием истории общественных движений славянских народов в 1848 году, выступить с результатами своей работы на страницах нашего журнала.

²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 274.

²⁷ См. там же, стр. 219.

²⁸ Там же.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 61.